

V городские педагогические чтения
«Образование сегодня: идеи, достойные распространения»

**Образование детей с особыми образовательными
потребностями: опыт, знания, перспективы.**

**Использование недирективной
(ненаправленной) игры в работе с ребенком,
имеющим расстройства аутистического спектра**

Подготовил:
Белицкая Элла Александровна

педагог-психолог,
Муниципальное
бюджетное дошкольное
образовательное учреждение
Центр развития ребенка –
детский сад «Солнышко» города
Котовска Тамбовской области.

Котовск, 2018.

В нашем детском саду работает Консультационный центр для родителей (законных представителей), обеспечивающих получение детьми дошкольного образования в форме семейного образования, основной целью которого является предоставление родителям и их детям методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи. И, естественно, я как педагог-психолог зачислена в штат этого центра.

Чуть более года назад в Консультационный центр обратилась женщина с ребенком 5 лет, которому специалисты Центра психолого-медико-педагогической комиссии выдали заключение о замедленном темпе развития и системном недоразвитии речи. Медицинский диагноз звучал как задержка психо-речевого развития с элементами аутичного поведения. Мне надлежало проводить занятия с Олей два раза в неделю. Я была настроена оптимистично: на просторах Интернет можно найти много информации по работе с детьми с такими проблемами, и я добросовестно её изучила, подготовила материал для диагностики, игрушки, литературу для мамы. Диагноз «аутизм» сегодня у всех на слуху. Теоретически я понимала, что означает этот термин и чего ожидать от ребенка-аутиста. Дефицит социального взаимодействия, трудности при контакте с другими людьми, неадекватные реакции при общении, ограниченность интереса и склонность к стереотипам (повторяющимся действиям, схемам).

Во время первой встречи девочка не реагировала на меня, она сразу принялась открывать шкафы и вытаскивать всё их содержимое на пол, попытки мамы остановить её не давали никакого результата. Особую тревогу вызывал тот факт, что она не смотрела глаза в глаза. Я решила оставить девочку в покое, другого мне ничего не оставалось. В ходе беседы с мамой выяснилось, что диагноз девочке поставлен сравнительно недавно, что Оля не может усидеть на месте, и что заинтересовать её чем-либо практически невозможно, она делает только то, что хочет. Оля не реагировала на мой голос, противилась моим прикосновениям, и только когда мама сказала, что пора идти домой девочка, принялась наводить порядок. Она раскладывала всё на свои места, я помогала ей, но Оля ни разу на меня не посмотрела. Никаких эмоциональных проявлений с её стороны не было.

На втором занятии девочка так же выкладывала содержимое шкафов, а я проговаривала вслух всё, что делает девочка, сама предлагала ей взять что-нибудь интересное, иногда я слегка прикасалась к её руке. Мама сказала, что дома Оля играет только с кубиками, у неё их целая коллекция. Во время следующей нашей встречи, обнаружив на одной из полок большие разноцветные кубики, Оля улыбнулась(!). Она поставила их на стол и стала строить башню, ставя один на другой. Кубики падали, и башня снова возводилась, и так несколько раз. Стало ясно, что в данной ситуации кубики могут стать стимулом, на который можно опереться в дальнейшей коррекционной работе – установлении контакта и формировании целенаправленной деятельности. Я аккуратно села на стул, стоящий за один до Оли, спросила у неё разрешения взять кубики, не получив ответа, я стала строить башню не только в высоту, но и в ширину, оставляя между кубиками

«окошки». Оля обратила внимание на моё творение, я поставила перед ней два кубика, сверху поставила еще один и один сбоку. Я дала один кубик ей в руку, и мы вместе поставили его на нужное место, потом еще и еще. Когда башня была достроена, Оля сломала её, улыбнулась и произнесла что-то непонятное. До конца занятия она воодушевленно строила башни и ломала их. В конце всё убрала на место.

Метод недирективной игровой терапии основан на использовании естественных механизмов детской игры. Это один из немногих, подтвержденных многолетними исследованиями метод, дающий значительные результаты психокоррекции и психоподдержки. Игра – это язык ребенка, а игрушки – это его слова. Ребенку трудно выражать свои переживания, а в случае задержки речевого развития – вовсе невозможно.

На последующих занятиях в «окошки» между кубиками заглядывали мягкие игрушки и куклы, мы стали катать кукол на игрушечном поезде (сначала я, а потом и сама Оля), строили из кубиков тоннели для него. Метод ненаправленной (управляемой ребенком) игры давал свои результаты. Мама заметила, что девочка дома сооружает поезд из подручных средств, играет с другими игрушками. Однажды Оля принесла с собой маленькую куклу, и мы устроили кукольный День рождения: поставили маленький столик, крошечную посуду и даже лепили из пластилина угощения. Девочка часто любовалась собой в большом зеркале на стене. Когда она смотрела на себя, я обращала её внимание на части её тела, проговаривала её эмоции, однажды мне удалось её руками поиграть в «ладушки». С каждым занятием мы всё больше и больше играли. Она брала мою руку и показывала, что нужно сделать, иногда, на несколько секунд, наши взгляды встречались. Конечно, Оля отвлекалась, бралась за другие игрушки, но я старалась вернуть её в начатую игру. Дома девочка повторяла игровые сюжеты. Оля стала отпускать маму в магазин на время наших занятий, а играли мы с ней уже по целому часу.

Всё было замечательно, но однажды она пришла и принялась снова опустошать содержимое шкафов, никакой реакции на меня не было, всё происходило как на первом занятии. Оказалось, что Оля начала очередной прием лекарственных препаратов. И следующие две наши встречи прошли «впустую», не смотря на все мои усилия. Обсудив возникшую проблему с мамой, решили отменить занятия на время этого курса лечения.

После окончания лекарственной терапии мы стали заниматься в спортивном зале совместно с воспитателем по физической культуре. Девочке нравились ощущения от новых движений. Мы учились играть с разными мячами, проползать через тоннель, прыгать на батуте и многому другому. К работе с ней подключилась учитель-логопед. Звуки, издаваемые Олей стали похожи на человеческую речь: она называла цвета, некоторые игрушки. Иногда она могла полчаса пролежать в сухом бассейне, тогда я делала ей легкий массаж, накрывала разноцветными прозрачными тканями, а в ответ получала широкую улыбку или смех. Теперь я уже стала планировать занятия, но, как и прежде, не знала до конца как они пройдут, все игры проводились только там, где Оля хотела и с тем оборудованием, которое она одобряла.

Недирективная игровая терапия – это не метод развития конкретных навыков и умений. Её цель – гармонизация всей эмоционально-волевой сферы ребенка. Коррекция нарушений в развитии, поведении и самоощущении ребенка является обязательным следствием успешности этой общей работы. Родители ребенка-аутиста должны быть готовы к изменениям в поведении ребенка. Поэтому параллельно с занятиями необходимо проводить консультирование.

Мама Оли до нашей встречи редко занималась с ней, так как считала, что ничего не изменится. После каждого занятия я рассказывала маме об успехах её дочки, рассказывала про случаи из своей практики, расспрашивала про лечение, советовала, во что можно поиграть дома и на прогулке. Особенно маме нравилось, когда я говорила комплименты Оле по поводу её и маминой внешности, о маминой заботе и любви. Мама постепенно перестала быть отрешенной, она сама рассказывала о домашних достижениях дочери, охотно соглашалась на консультации психиатра и логопеда, у неё появилось стремление разобраться в проблеме, найти специалистов, которые могли бы помочь. Очень долго я уговаривала её оформить Оле инвалидность (мама не работала, а многочисленные процедуры для девочки были платными). Только спустя год они решились пойти на Медико-социальную экспертизу. Сейчас девочка получает пособие по инвалидности, а мама – по уходу за ней, большинство процедур стало бесплатным, что значительно расширило возможности для получения коррекционной помощи.

Прошло полтора года, и хотя сложно определить в полной мере набор нарушений девочки, степень их выраженности, я вижу продвижение ребёнка вперёд, и это меня радует. Оля пользуется речью, играет в некоторые сюжетные игры, использует предметы-заместители, рисует простые формы, часто фиксирует взгляд на лице взрослого, просит и принимает помощь со стороны. Сейчас Оля посещает дефектолога, логопеда, ходит в обычный детский сад, мама активно взаимодействует с различными специалистами.

Встреча с этой замечательной девочкой позволила мне взглянуть по-новому на возможности моей профессии. Я перестала ждать сиюминутный результат от своих действий с Олей, я просто была рядом и слегка направляла её деятельность, вносила в неё разнообразие. Начинать было трудно, было трудно поверить даже в небольшой успех, но сейчас я с нетерпением жду, когда снова в мой кабинет войдет эта удивительная девочка с огромными глазами.